

— Алисия, что у тебя с глазом? – спрашивает Дюк, пристально смотря на меня. От его слов и тона атмосфера внезапно становится серьёзной.

Хм? Мы не виделись два года, и это первое, что он спросил у меня? ...Хотя, думаю, если бы я была на его месте, я бы спросила тоже самое.

— Ничего, – отвечаю я, заставляя себя улыбнуться.

— Даже не пытайся меня обмануть.

Его пронизательные голубые глаза впились в мои.

Через мгновение я чувствую, что слегка дрожу под его пристальным взглядом. Почему-то за эти два года, что мы не виделись, его врождённый авторитет и влияние стали ещё более впечатляющими, чем раньше.

Если я солгу, меня тут же разоблачат.

— Я отдала его кому-то другому, – бодро говорю я, продолжая улыбаться.

Глаза Дюка расширяются.

Даже кривая улыбка Мэл становится жёсткой, она смотрит на меня в шоке.

— Ха-а?! Что это значит?!

Первой молчание нарушает Мэл.

Удивление поднимает её и без того высокий голос ещё на октаву, отчего у меня звенит в ушах, как будто что-то взорвалось рядом с моей головой.

— Это значит именно то, что я сказала. Я отдала свой...

Я начинаю объяснять ещё раз, но в этот момент Дюк протягивает руку и касается моего лица.

Каким-то образом, хотя его пальцы едва касаются моей щеки, они производят на меня впечатление безошибочной силы...

Они нежны, но настойчивы. Я не могу удержаться и медленно поднимаю голову, чтобы посмотреть ему в лицо. Глядя на выражение его лица, я чувствую, что моя улыбка, наконец,

ослабевает.

...Чистая, неподдельная ярость. Как будто я смотрю в лицо разъярённому демону.

Суровые, мрачные глаза Дюк сверкают в моих, словно он хочет поглотить меня. Я видела много выражений лиц, направленных на меня, но это первый раз, когда я вижу у него такое выражение лица.

— Но зачем? Зачем ты это сделала? – требовательно спрашивает он. Его голос обманчиво спокоен и тих, но это вызывает мурашки по всей моей коже... Он совершенно точно взбешён.

Его настроение ощущается как осязаемое присутствие, удушающее и гнетущее. Я чувствую, что не могу даже говорить. Его давление невообразимо. Мне стыдно признаться, но струйка страха инстинктивно пробегает сквозь меня, когда я стою и смотрю в его яростные глаза.

И Гиллес, и Мэл, похоже, тоже шокированы поведением Дюка.

— Ты хоть представляешь, что я чувствовал, смотря за тобой все эти годы? С тех пор как ты была маленькой, я присматривал за тобой в роли злодейки, потому что знал, как много это для тебя значит. Пока ты была в добром здравии и счастлива, я... – Дюк внезапно замолкает.

Гнев, который горел в его глазах, угасает и исчезает. Душераздирающая печаль занимает его место. Она настолько глубока, что кажется, будто он тонет в ней.

Он знал, что я веду себя как злодейка?...

Хотя, я думаю, этот факт не совсем удивителен. Но, чтобы он так легко в этом признался!..

— ...Я не помню, чтобы когда-нибудь просила тебя присматривать за мной.

Прежде чем я успеваю подумать, самые подлые, самые ужасные слова слетают с моих губ.

Я прекрасно знаю, что могу сожалеть о них всю оставшуюся жизнь, и всё же они льются из моего рта, холодные и бесчувственные.

Как злодейка... конечно, это именно то, что я должна сказать. В конце концов, это работа злодейки – причинять боль и калечить окружающих своей беспощадной злобой. Но впервые такая мысль не приносит мне радости. Я на шаг приблизилась к тому, чтобы стать злодейкой, так почему же у меня так болит сердце?

Если это и есть истинный путь к достижению моей цели, то он гораздо более тернистый и

болезненный, чем я себе представляла.

— Ясно. Тогда я прошу прощения, – отвечает Дюк. Его губы изогнуты в улыбке, но по глазам я вижу, как сильно мои слова ранят его.

...Это первый раз, когда я увидела у него такое выражение лица.

Я... действительно сожалею, что сказала это. У меня болит сердце. Я сделаю всё, чтобы взять свои слова обратно. Однако невозможно вернуть слова назад.

Мягко, очень мягко он убирает кончики пальцев с моего лица. Затем, даже не взглянув в мою сторону, он поворачивается и уходит.

Я ничего не говорю. Я просто тупо смотрю, как он уходит всё дальше и дальше от меня.

Я не могу выбросить из головы выражение его лица.

Я никогда не думала, что настанет день, когда я пожалею о том, что сказала по доброй воле, как злодейка. Но этот день настал. Вот что я получаю за то, что не останавливаюсь, чтобы подумать, прежде чем выпалить злые слова, которые приходят мне в голову.

Мои слова кажутся невероятно тяжёлыми цепями, тянущими меня вниз, как будто я какой-то преступник, совершивший бесчисленные злодеяния.

Злодейка, которой я так отчаянно стремилась стать... не такая, какой я сейчас стала.

— Аля-Аля, скажи мне правду... Ты что, идиотка? Потому что это было очень жестоко, – произносит Мэл, свирепо смотря на меня.

Она говорила самым низким, самым тихим голосом, который я только слышала от неё сегодня. И её слова ударили меня в самое больное место, как удар под дых. Они чуть было не выбили из меня дух.

Такое ощущение, что она пнула меня, когда я уже лежала на земле. Я знаю это! Я с болью осознаю, как отвратительно себя повела.

Но когда я пытаюсь объяснить ей это, слова отказываются слетать с моих губ.

Прошло целых два года с тех пор, как я в последний раз с кем-то разговаривала! Я не знаю, что мне делать! Я больше не знаю, как мне себя вести!

Я хочу кричать, пока она не поймёт, но ничего не выходит. И это потому, что в глубине души я знаю, что это всего лишь пустые отговорки, которые ничего не делают, чтобы на самом деле освободить меня от моего порочного поведения. Высказывать такие незрелые мысли ниже моего достоинства, и я, по крайней мере, сегодня не опущусь до этого уровня.

Слишком много мыслей проносится сейчас в моей голове. Слишком много эмоций переполняет меня, пока я не перестаю знать, что мне думать или чувствовать.

Но есть одна мысль, которая постоянно крутится в моей голове.

Мой характер превратился в нечто отвратительное. Я стала не достойной злодейкой, а просто ужасным человеком.

Впервые с тех пор, как началось моё затворничество, я боюсь, что забыла, как действовать и взаимодействовать с людьми, как подобает человеку.

<http://tl.rulate.ru/book/39408/1316324>